

Очеркъ религіозныхъ воззрѣній Софокла.

§ 1. Статистическій анализъ. Для выясненія системы религіозныхъ представленій того или иного античнаго поэта съ чисто-формальной стороны я примѣняю обыкновенно статистическій методъ, какъ отличающійся значительною точностью и наглядностью своихъ выводовъ. На приложенныхъ къ настоящей статьѣ таблицахъ представлены мои результаты такого количественнаго анализа религіозной части софокловыхъ трагедій. Изъ таблицы № 1, гдѣ зарегистрированы всѣ случаи упоминанія высшихъ боговъ („олимпійцевъ“), ясно видно, какую преобладающую роль въ пьесахъ Софокла играетъ имя Зевса: оно встрѣчается 115 разъ. Другія божества упоминаются гораздо рѣже; такъ, Аполлонъ лишь 45 разъ, Аресъ—19; далѣе слѣдуетъ Аонна (16 разъ); остальные же имена подаются только спорадически. Такимъ образомъ, доминирующая роль Зевса въ сознаніи Софокла не подлежитъ никакому сомнѣнію, и монотеистическая тенденція выступаетъ съ болѣе или менѣе опредѣленными чертами. Ея сила или интенсивность можетъ быть выражена дробью, числитель которой есть количество наблюденныхъ случаевъ даннаго явленія (115), а знаменатель—число всѣхъ случаевъ въ которыхъ наблюденное явленіе встрѣчалось и могло бы встрѣтиться ($115+106=221$). Выразивши это отношеніе ($\frac{115}{221}$) въ десятичныхъ знакахъ, получаемъ для Зевса 52,04 %.

При этомъ въ траг. *Oed. Col.* изъ 25 случаевъ упоминаній имени Зевса половина (12) выражена въ ивотел-

ТАБЛИ

Имена боговъ.	Названія					
	Aias.		Electra.		Oedipus Rex	
	VV.	Сум- ма	VV.	Сум- ма	VV.	
Зевсъ . . .	137, 172, 187 387, 401, 450 492, 708, 824 831, 952.	11	149, 175, 659 766, 821, 1002 1466	7	18, 151, 159 187, 202, 470 497, 738, 904 1198	
Гера . . .	—	—	—	—	—	
Аполлонъ . . (Фебъ, Локсий) и друг.	702 178	2	653, 1376, 1379 1425, 32, 35, 637	7	80, 377, 497, 720 908, 919, 1329 ² 154, 71, 96 133, 149, 162 279, 285, 305 712, 788, 1011 1094, 410, 852 904, 1102	
Афина . . .	14, 74, 91, 112 757, 771, 1222 953	8	—	—	150	
Аресъ . . .	252, 613, 706 1196	4	96, 1243, 1385 1423	4	180	
Афродита . .	—	—	—	—	—	
Артемидѣ . .	172	1	563, 626, 1239	3	161	207
Посейдонъ . .	—	—	—	—	—	
Гермесъ . . .	832	1	111, 1396	2	—	
Деметра . . .	—	—	—	—	—	
Гефестъ . . .	—	—	—	—	—	
Гестія	—	—	—	—	—	

*) Это сравнительно небольшое число, но оно указывает на то, что в древности было много богов, и что в то время еще не было единого бога.

I A № 1.

т р а г е д і й.

Edip. Colon.		Antigone.		Trachiniaiæ.		Philoctetes.		Всего въ 7 траге- дяхъ.
VV.	Сум- ма.	VV.	Сум- ма.	VV.	Сум- ма.	VV.	Сум- ма.	
143, 221 533, 623 ² 705, 793 2, 1078 5, 1267 2, 1435 6, 1460 1, 1485 2 1606, 8, 1767	25	2, 127, 143 184, 304, 450 487, 604, 658 950, 1040. 1041, 1116 1149	14	19, 26, 140 200, 238, 251 275, 279, 288 303, 399, 437 513, 566, 644 753, 826, 854 956, 983, 996 ¹ 1003, 1022 1041, 1048 1086, 1106 1148, 1185 1188, 1191 1278	32	140, 391, 484 677, 802, 908 943, 989 ² , 990 1181, 1233 1289, 1324 1415, 1443	16	11 ¹ разъ
—	—	—	—	—	—	—	—	—
1091, 86 454, 623 793	8	—	—	28 221	2	335	1	45
8, 1071 80, 107	4	—	—	1031 ²	2	134	1	16
1046, 1065 1679	5	126, 139, 952 970	4	653	1	—	—	19
8	1	797	1	497, 515, 860	3	—	—	5
—	—	—	—	212	1	—	—	7
713, 1494	3	—	—	502	1	—	—	4
48	1	—	—	620	1	133, 1459	2	7
00	1	—	—	—	—	—	—	1
—	—	125, 1007	2	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—

ТАБЛИ

Имена божествъ.	Н а з в а н і я		
	Ajas.	Electra.	Oedip. R.
	VV.	VV.	VV.
Панъ	694 ² , 695 ² ,	—	1100
Эрини	837, 843, 1034 1390	112, 491	
Дика	1390	476, 528	274
Θαυτος	854 ²		
Персефона		110	
'Αρα		111	
Гелиосъ		424, 825	611, 14
Латона		570	
Θемида		1063	
'Ελλης			157
Фаиа			157
Амфитрита			193
Діонисъ			212
Гейя			
Σχотис			
Τάρταρος			
Κρίως			
Теса			
Λυδης			
'Ορις			
Ника			
Мойра			
Эросъ			

II A № 2.

р а г е д і й.

Oedip. Col.	Antigone.	Trachiniaiæ.	Philoctetes.	Сумма.
VV.	VV.	VV.	VV.	
				5
186	1075	809		9
1382	451, 854	808		8
				2
				1
				1
969		95 ²		7
				1
	957, 154, 1121			1
	1152			1
	338		678	1
				1
879				6
40 1574			391	4
40 106				2
1574				1
712				2
1073				1
1268				1
1767				1
	148		134	2
	987			1
	781, 782	441		3

ныхъ формахъ (vv. 143, 221, 310, 533, 642, 1085, 1456, 1471, 1485, 1502, 1606, 1748), т. е. представляетъ собою случаи непосредственнаго обращенія къ Зевсу. Это свидѣтельствуешь о томъ, что при всякомъ пробужденіи религіознаго чувства мысль поэта направлялась тотчасъ-же къ яркому образу Зевса...

Чрезвычайно любопытно, что такое же точно процентное отношеніе для имени Зевса мнѣ удалось установить и въ трагедіяхъ Эсхила (53,7%) ¹⁾. Это указываетъ на приблизительно одинаковую интенсивность монотеистической тенденціи обоихъ аттическихъ трагиковъ, что, при общемъ сходствѣ ихъ религіозныхъ воззрѣній, не должно вызывать удивленія.

Не менѣе любопытны статистическія наблюденія, касающіяся распредѣленія греческихъ божествъ по количеству находящихся въ трагедіяхъ Софокла и Эсхила упоминаній о нихъ. Первое мѣсто послѣ Зевса занимаютъ у Софокла, какъ и у Эсхила, имена Аполлона и Ареса, далѣе идетъ Афина и другіе боги, а въ самомъ концѣ у Эсхила стоятъ Посейдонъ (3) и Гефестъ (4), у Софокла Посейдонъ (4), Гефестъ (2) и Деметра (1). Такимъ образомъ, іерархія олимпійскихъ боговъ представляется у Эсхила и Софокла совершенно совпадающею, что указываетъ, быть можетъ, на распространенность ея и вообще во всей афинской публикѣ данной эпохи.

Таблица № 2 содержитъ въ себѣ регистрацію упоминаній второстепенныхъ божествъ и различныхъ персонификацій. И здѣсь замѣчательно совпаденіе съ Эсхиломъ: у обоихъ авторовъ чаще всего встрѣчаются имена Эриній (28 у Эсхила, 9 у Софокла) и Дики (18 у Эсх. и 8 у Соф.).

¹⁾ См. мою статью: „Эсхилъ, какъ религіозный мыслитель“, въ Трудяхъ Киевской Духовной Академіи за 1908 г № 5.

§ 2. Концепція верховнаго божества. Наблюденія, сдѣланныя нами въ предшествующей главѣ съ точки зрѣнія количественной и формальной, вполне подтверждаются и изслѣдованіемъ внутренняго содержанія софокловой теологіи, качественнымъ ея анализомъ.

Основными атрибутами Зевса являются у Софокла неограниченное всемогущество и единодержавіе. Великій Зевсъ (μέγας Ζεύς Trach. 399, El. 175) называется царемъ (βασιλεύς Tr. 126), властителемъ (ἀρχὴ Tr. 275), вседержителемъ (παγκρατής Phil. 680, πάντα ἀνάσσει O. R. 904, βασιλὴν πάντα κρατοῖ El. 175, ο πάντα κραίων Tr. 126). Всѣ остальные боги подчинены владыкѣ Олимпа, они блѣднѣютъ предъ его грандіознымъ обликомъ и являются лишь отдѣльными объективациями или преломленіями абсолютной божественной воли Зевса (πάνταρχος θεῶν O. C. 1085). Аѳина, напр., называется могучей богиней Зевса (α Διὸς ἐννύμφη θεῶς Aj. 401—2, ἡ Διὸς ἐννύμφη ἀσπίς θεῶν ib. 450, Ζηνὸς ἡ δαμόνη θεῶς Παλλὰς ib. 932—3). Оракулъ дельфійскаго бога возводится къ промыслу Зевса (ὦ Διὸς ἀδελφεὲ φάει O. R. 151). У Гомера Зевсъ подчиненъ неумолимой міровой Судьбѣ и испытаніе имъ рока изображается въ видѣ вѣѣшиванія жребіевъ на золотыхъ вѣсахъ (Il. VIII, 69; XVI, 658; XIX, 223). Въ поэзи послѣгомеровской, Рокъ все больше и больше сливается съ волею Зевса, постепенно абсорбируясь ею. Уже въ гесиодовой (?) Теогоніи Зевсъ—отецъ Мойръ. Въ трагедіяхъ Эсхила понятіе Судьбы совершенно совпадаетъ съ высшимъ правственнымъ принципомъ, олицетвореннымъ въ образѣ Зевса ¹⁾. У Софокла мы замѣчаемъ аналогичное явленіе. Дика повсюду называется рядомъ съ Зевсомъ (O. C. 1382, Ant. 450—1, Trach. 279). Какъ у Эсхила, такъ и у его болѣе молодого

¹⁾ См. мою статью: „Эсхиль, какъ религіозный мыслитель“ въ Трудахъ Киевской Духовной Академіи, 1908, № 5.

соперника встрѣчаюся вдохновенныя строфы, посвященные прославленію Зевса и проникнутыя совершенно библейскимъ характеромъ¹⁾. Вспомнимъ знаменитую пѣснь хора въ концѣ 3-го дѣйствія „Антигоны“:

„О Зевсѣ, кто въ дерзости изъ смертныхъ
На мощь твою посмѣетъ посягнуть?
Ни сонъ всесильный ею не владѣетъ,
Ни цѣль времянь ея не сокрушитъ;
Олимпомъ издавна ты правишь свѣтозарнымъ“ и т. д.
(Ant. 604 sqq.).

Зевсѣ у Софокла представляется защитникомъ домашнего очага, покровителемъ странниковъ, всемилостивымъ и всеправеднымъ божествомъ, что сказывается въ такихъ эпиграмахъ, какъ *εφεστιας τριπλῆς Ζεὺς* и т. д. (Aj. 492, Tr. 303).

Выходитъ, стало быть, что въ трагедіяхъ Софокла мы можемъ констатировать могучій ростъ идеи Зевса, сравнительно съ гомеровскою теологіей, надѣленіе верховнаго божества высоко-спиритуалистическими предикатами, признаніе за нимъ этического значенія.

§ 3. **Этические элементы въ теологіи Софокла.** На низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія религіи не имѣть еще обыкновенно никакого нравственнаго значенія. Боги выступаютъ здѣсь, какъ олицетворенія грозныхъ явленій и силъ природы, съ которыми первобытному человѣку приходится бороться; но религіозная эволюція язычества въ общемъ представляетъ собою постепенное просвѣтленіе и углубленіе идеи сверхчувственнаго бытія, и тогда религія выступаетъ уже, какъ основа этики. Въ одахъ Пиндара, въ трагедіяхъ Эсхила мы застаемъ уже этотъ процессъ спиритуализаціи религіи завершившимся: обособившась отъ природныхъ силъ, греческое божество становится этическою стихіей.

¹⁾ Срв. *Ed. Meyer*, *Gesch. des Altertums* IV, S. 132.

У Софокла моральныя нормы вполне идентифицируются съ религіозными: добродѣтель=благочестіе (*εὐφροσύνη=εὐσεβεία*), а надменность=преступленіе=безбожіе (*ἕβρις=ὑπερβύσιος=ἡζέβεια*). Преступникъ считается нечестивцемъ, и Эдипъ, напр., говоритъ о себѣ: *ὦν δ' ἡθέλω μέν, εἴμ' ὑμείων δὲ πῆρ* (O. R. 1360).

Ученіе о возмездіи (*jus talionis*), институтъ кровавой мести возводится у Софокла въ основной принципъ частной жизни; онъ санкціонированъ религіей. Охранителемъ его является Зевсъ (Trach. 274 sqq.). Электра подчеркиваетъ огромное значеніе этого закона для моральной жизни чело-вѣчества:

„Если будетъ умершій во гробѣ лежать.
А злодѣй ликовать безъ возмездья—
Вѣдь тогда пропадутъ на землѣ
Благочестіе и стыдъ“!

(El. 244 sqq., пер. П. М. Занкова).

Наказаніе соразмѣрно съ виною, такъ что идеальной формулой карательнаго возмездія является правило: *τὸν φ τὸν ἵδεν* (O. R. 100—1).

На вопросъ Ореста, какъ отомстить за смерть отца его убійцамъ, Аполлонъ отвѣчаетъ:

„Безъ войска и щита.
Коварствомъ нанеси ударъ законный!“

(El. 36—7 пер. Занкова).

Но у Софокла мы замѣчаемъ уже и шагъ впередъ по сравненію съ этической системою Эсхила: у послѣдняго божественное правосудіе имѣетъ по преимуществу карающій характеръ; у Софокла мы видимъ и свѣтлую сторону принципа возмездія: тотъ, кто ведетъ благочестивую жизнь, получаетъ награду за свои дѣла, добро воздается добромъ:

ἡχρῖς ἡχρῖν ἡδρ ἔστιν ἡ δίκαιος' ἔτι

Aj. 522.

Индивидуализмъ былъ чуждъ греческому самосознанію вплоть до того перелома, который обнаружился въ исторіи духовной жизни Греціи въ эпоху софистическаго движенія. Человѣческая личность, ея судьба, ея интересы—все тонуло въ жизни и благѣ общины, государства. Всякое отступленіе отъ этой нормы, всякіе личные, эгоистическіе мотивы въ дѣятельности, посвященной благу народа, строго осуждались обществомъ, какъ *ὄργη*, какъ явленіе неразумное, безнравственное, вредное. Какъ характерно, напр., то, что представитель всякой профессіи—врачъ, поэтъ, художникъ, ученый философъ и изящный ораторъ, плотникъ и архитекторъ—назывался у грековъ „общественнымъ работникомъ“ (*δημόργος*)!

Dronke совершенно справедливо считаетъ эту идею по-глощающей личности обществомъ, синтеза индивидуальных интересовъ съ коллективною волей давной общины основнымъ пунктомъ этики Софокла: человѣкъ обязанъ жертвовать собою ради социальнаго блага ¹⁾. Трагедія „Филоклетъ“ является, по мнѣнію *Dronke*, живой иллюстраціей этой идеи. (Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ, повидимому, и *Eric. Rohde*, считающій Филоклета невольнымъ мученикомъ за общее благо ²⁾).

Основною добродѣтелью человѣка является, по Софоклу, *σωφροσύνη*—понятіе, трудно переводимое на новые языки и означавшее столь характерную для эллиновъ трезвую, благо-

¹⁾ ...Der Mensch darf sein Wollen nicht durch persönliche Interessen, wären sie auch die gerechtesten, bestimmen lassen, sondern er muss es einordnen in die sittliche Aufgabe der Gesamtheit (*Dronke*, Die religiösen und sittlichen Vorstellungen des Aeschylus u. Sophokles, Fleckeisen's Jahrbuch. f. kl. Philol. IV, 1. S. 96).

²⁾ Er ist ein unfreiwilliger Märtyrer für das Wohl der Gesamtheit (*E. Rohde*, Psyche, S. 528).

разумную уравниовѣнность духа. Не безъ основанія подчеркиваютъ нѣкоторые исследователи то высокое положеніе, какое занимаетъ у Софокла въ человѣческомъ обществѣ разумное начало (*νοῦς*) и которое, быть можетъ, объясняется вліяніемъ философій Анаксагора ¹⁾. Всякое отступленіе отъ этой основной добродѣтели, всякая надменность, самоувѣренность и эгоизмъ влекутъ за собою неминуемую гибель: „боги, можетъ быть и не скоро, все же обратятъ вниманіе на того, кто, пренебрегши божескимъ, начнетъ безумствовать“ (О. С. 1536—7), „Зевсъ не терпитъ кипчивой самоувѣренности“ (*Ζεὺς γὰρ μετ' ἄλλης τιμωρὸς ἐστὶν ὑπερηφάνειαν*. Ant. 127—8).

Божество является руководителемъ нравственного мірового порядка, оно караетъ потомковъ за вину предковъ и ниспосылаетъ на людей ослѣпленіе. Такимъ образомъ, одѣльный человѣкъ и его судьба служатъ какъ-бы орудіемъ божественнаго промысла. Страдающій за грѣхи отцовъ

¹⁾ Такъ, напр., *Stanisław Schneider* въ статьѣ своей: *Dwie etyki w Antygonie Sofoklesa*, *Eos*, IV, 1, 1897, str. 31 i nast. обращаетъ вниманіе на эту зависимость Софокла отъ клазоменскаго философа и на приматъ разумнаго начала въ пьесахъ нашего драматурга. Онъ приводитъ мѣста, свидѣтельствующія объ очень высокомъ положеніи, которое занимаетъ w *ustroju ludzkim* разумное начало, *roszum (νοῦς) czyli umysł*. У Софокла весьма часто упоминается слово *φρόνεις* (Ant. 298, 319, 412, 604, 623, 648, 683, 754, 792, 993, 1015, 1060, 1063, 1090, 1095, 1261). Такъ же часто употребляетъ поэтъ глаголъ *φρονεῖν*, абсолютно: 49, 707, 727, 996, 1023, 1051, 1348, 1353 и въ соединеніи съ нарѣчіями: *ἴσων φρονεῖν* 375, *μέγα φρονεῖν* 479, 768, *γοῖς φρονεῖν* 510, *καλῶς φρονεῖν* 557, *εὖ φρονεῖν* 755, 904, 1031. Выводъ *Schneider'a* касательно этическихъ принциповъ въ трагедіи Антигона совершенно правиленъ и можетъ быть распространенъ на всю житейскую мораль Софокла: *ostatniem slowem poety, które chór wypowiada dwukrotnie w końcu tragedyi, jest το φρονεῖν—εὐβουλία, gdyż μή φρονεῖν jako πλείστη βλάβη (w. 1051)—εὐβουλία jako μέγιστον ἀνδρὶ κακόν (w. 1243).*

иногда, *повидимому*, самъ и невиновенъ: элементъ ирраціональный. Эдипъ называетъ виновникомъ своей трагической судьбы божество (O. R. 1311) и Аполлона (Ἀπόλλων τῷ ἔργῳ, Ἀπόλλων, φίλοι, οὐ κακὰ κακὰ τὰτων ἐργὰ τὰδ' ἐργὰ πάντα 1329 sqq.). За самимъ собой онъ не призываетъ ни малѣйшей вины (ἄνθρωπος καὶ γάρους καὶ τυρφορῶς] ἐγὼ τάλας ἔνταρχον ἄκων, θεοὶς γάρ ἦν ὅττω φίλον O. C. 963—4). Но не слѣдуетъ никогда пытаться проникнуть въ тайны божественнаго промысла: пути его непознаваемы. Человѣкъ, даже и самый праведный, долженъ молча и безропотно переносить несчастья, ниспосылаемые свыше. Такой совѣтъ даетъ Неоптолемъ Филоклету: ἀνθρώποις τὰς ῥῆν ἐκ θεῶν τύχας δοθείσας ἐστ' ἀναγκάσιον φέρειν (Ph. 1315—6). Боги въ такомъ случаѣ не являются отвѣтственными за свои поступки съ людьми, какъ и Иегова по отношенію, напр., къ Іову ¹⁾. Впрочемъ, утверждение *Dronke* ²⁾, что Софоклъ хотѣлъ представить Филоклета, Деіаниру, Эдипа и даже Аякса *совершенно невиновыми*, необходимо нѣсколько ограничить, такъ какъ ихъ невозможно считать жалкой и пассивной игрушкой Рока. Но тутъ мы подходимъ къ чрезвычайно важному вопросу о внутренней причинности характера въ произведеніяхъ Софокла.

§ 4. Причинность характера и протестъ противъ идеи Рока. „По отношенію къ основнымъ проблемамъ философіи драмы, къ темнымъ вопросамъ о свободѣ и связности воли, о виновности человѣка и его судьбѣ—Софоклъ занимаетъ совершенно иное положеніе, нежели его великій предшественникъ“—говоритъ *Erv. Rohde* ³⁾. Человѣкъ сталъ внимательнѣе присматриваться къ окружающему его міру; въ своихъ сужденіяхъ о поступкахъ людей онъ отбросилъ мысль о сверхъестественномъ вліяніи и пришелъ къ тому

¹⁾ *Ed. Meyer*, *Gesch. des Alterthums* IV, S. 135.

²⁾ *Op. cit.* pp. 70—71 §§ 7--8, p. 96.

³⁾ *Psyche*. S. 525.

заключенію, что мотивы, опредѣляющіе наши дѣйствія, зависятъ отъ нашихъ первоначальныхъ наклонностей и жизненныхъ событій. Въ эпоху Софокла зрители могли уже выводить дѣйствія, совершаемыя героями трагедій, изъ ряда естественныхъ условій, изъ существующихъ въ данный моментъ эмоций индивидуума, возникшихъ благодаря всѣмъ предшествовавшимъ обстоятельствамъ и чертамъ характера.

Такимъ образомъ оказывается неправильнымъ общепринятое пониманіе софокловой трагедіи, какъ трагедіи судьбы (*Schicksalstragödie*) въ противоположность современной драмѣ характеровъ (*Charaktertragödie*). Впервые терминъ *Schicksalstragödie* былъ употребленъ *Lenz*’омъ въ его „*Anmerkungen übers Theater*“, появившихся въ 1774 году. *Lenz* опредѣлялъ трагедію судьбы, какъ такую, in welcher Thun und Leiden aller Personen durch ein blindes Schicksal bestimmt ist. Здѣсь, стало быть, непосредственныя причины поступковъ и настроеній челоѣка лежатъ внѣ сознанія, онѣ опредѣляются внѣшнимъ принужденіемъ и заранѣе предопредѣлены. Въ противоположность этому детерминизму современная драма характеровъ считаетъ рычагомъ всей волевой дѣятельности челоѣка внутреннюю причинность характера, а не требованія слѣпого Рока.

Но противъ такого пониманія античной драмы и въ частности трагедіи Софокла „Эдипъ царь“ выступилъ недавно глава современной классической филологіи, берлинскій профессоръ *U. v. Wilamowitz—Möllendorff*. Его статья, помѣщенная въ журналѣ *Hermes* за 1899 годъ¹⁾, дышитъ горячимъ протестомъ противъ этого стараго избитаго взгляда: „Они говорили такъ много о винѣ и наказаніи Эдипа. Это

¹⁾ Excursus zum Oedipus des Sophokles, *Hermes* XXXIV. 1899. S. 55—80.

недомыслие. Они отыскиали въ этомъ ужасномъ человѣческомъ несчастіи какой то сѣйной Рокъ. Однако, никто не стапетъ упрекать Эдипа за его нравственную или юридическую вину. Не искупасть онъ и насильственнаго грѣха; и, хотя понятіе судьбы не противорѣчитъ словамъ поэта, все же въ его вѣрѣ совершенно не было этой идеи сѣйного Рока¹⁾.— Не смотря на то, что эта точка зрѣнія встрѣтила возраженія, напр., со стороны извѣстнаго историка *Ed. Mejer'a* ²⁾, все-таки, мнѣ кажется, необходимо принять, что Софоклъ выдвигаетъ уже моментъ внутренней, психологической причинности. Постараюсь доказать примѣрами.

Такъ, Антигонѣ хоръ не разъ подчеркиваетъ *субъективные* мотивы ея трагической судьбы. „Ясно, замѣчаетъ онъ, что такой строптивый нравъ эта „дѣвушка унаслѣдована отъ строптиваго отца“ (*ὁρῶν τὸ γέννημα' φρόν ἐξ φροῦ πατρὸς τῆς παῖδος* 471—2). Еще рѣзче высказывается хоръ о поступкѣ Антигоны въ стг. 853—5: „Ты зашла далеко въ своей дерзости и посягнула на высокій тронъ Дика“ ³⁾, и въ стг. 873—5: „Не слѣдуетъ никогда нарушать власть того, кому она принадлежитъ; тебя погубилъ добровольный порывъ!“ ⁴⁾ И такъ, смерть Антигоны есть естественный и необходимый результатъ ея индивидуальнаго темперамента и вытекающихъ изъ него поступковъ ⁵⁾.

¹⁾ Sie haben so viel von Schuld und Strafe im Oedipus geredet. Das ist Unverstand. Sie haben das blinde Schicksal in diesem entsetzlichen Menschenunglück gefunden u. s. w. (ibid. S. 55).

²⁾ Gesch. des Alterthums IV, S. 136: Wilamowitz' Polemik gegen die Anwendung des Schicksalsbegriffs auf den Oedipus des Sophokles und überhaupt auf das antike Drama kann ich nicht billigen.

³⁾ Προβῆς' ἐπ' ἔσχατον ἰσχύοντος ὀφελὸν ἐς Δίκης βάλον προέπεσεν ὃ τέκνον, πολὺν.

⁴⁾ Σὲ δ' αὖ τὸτόσσοις ὤλεσ' ὀργή.

⁵⁾ *P. Corssen* (Die Antigone des Sophokles... B. 1898) такъ же доказываетъ, что смерть Антигоны есть необходимое слѣд

Эта же психологическая причинность характеровъ, эта эмансипація драматическаго дѣйствія отъ религіозной идеи Рока находятъ себѣ мѣсто и во *всѣхъ* остальныхъ пьесахъ Софокла.

За излишнюю самоувѣренность и пренебрежительное отношеніе къ богамъ Аѳина доводитъ Аякса до безумія и гибели. Когда она во время сраженія убѣждала Аякса смѣло поднять руку на враговъ, онъ бросилъ ей въ лицо „ужасное, дерзкое слово“ (*δεινὸν ἄρρητόν τε ἔπος*; 773); онъ отвѣтилъ ей: „Ты, богиня, ступай себѣ на помощь другимъ аргивлянамъ, а меня битва никогда еще не утомляла“ (774—775).

По совѣту Одиссея, Филоктетъ былъ оставленъ ахейцами одинъ на необитаемомъ островѣ, такъ какъ своими жалобами на страданія отъ раны, причиненной укусомъ змѣи, онъ сдѣлался невыносимъ на кораблѣ, плывшемъ подъ Трою. Девять лѣтъ прожилъ онъ здѣсь, вдали отъ человеческого общества, мучимый раной, переноса въ одиночествѣ всякія лишенія, съ трудомъ добывая себѣ пищу охотой... *Dronke*¹⁾, а впоследствии *Erw. Rohde*²⁾ считали стра-

ствие ея судьбы и ея характера (notwendige Konsequenz ihres Schicksals u. ihres Charakters): зачатая въ грѣхѣ, вопреки написаннымъ законамъ, она и умираетъ изъ-за исполненія ею этихъ законовъ, искупая вину всего рода; ея смерть—ея слава (durch eine Sünde wider die ungeschriebenen Gesetze, Blutschande—war Antigone zur Welt gekommen, durch den Gehorsam gegen die ungeschriebenen Gesetze sühnt sie die Schuld des ganzen Geschlechtes und ihr Tod ist ihr Ruhm (S. 55 f.). *F. Kern* (Ueb. Sophokles' Antigone, Kl. Schr. II Bd. B. 1898, S. 88—109) пишетъ: „Unbesonnenheit ist es, was Antigone zum Tode führt. Срв. eine *Rohde*, Psyche, S. 526.

¹⁾ Die Entwicklung der ganzen Tragödie beweist, dass Sophokles den Philoktetes als schuldlos hinstellen wollte и даже: Philoktetes leidet nach der Ansicht des Sophokles ohne Selbstverschuldung (*Dronke*, op. cit., S. 68).

²⁾ Psyche, S. 528.

данія Филокета совершенно незаслуженнымъ, а самого его невольнымъ мученикомъ: *Donke* усматриваетъ даже въ этомъ идею и смыслъ всей трагедіи Софокла. Но такое утвержденіе не вѣрно; весьма странно, что упомянутые изслѣдователи игнорировали слова хора (какъ таковыя, они особенно важны для выясненія міросозерцанія поэта), съ которыми онъ обращается къ Филокету: „Ты самъ, самъ желалъ этого, несчастный, и совсѣмъ не отъ другого кого, божи́е сильнаго, исходить твоя участь“¹⁾.

Передъ нами ужасная судьба еиванскаго царя. И здѣсь дѣйствіе развивается вполне самостоятельно, всѣ его моменты—неизбѣжный результатъ коллизіи страстей и интересовъ. Эдипъ—натура крайне самолюбивая и вспыльчивая. Въ началѣ трагедіи онъ представленъ прекраснымъ правителемъ. Онъ озабоченъ народнымъ бѣдствіемъ и принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отыскать убійцъ Лая. Но когда у оскорбленнаго Тиресія вырывается намекъ на ужасную истину, царемъ начинается овладѣвать гнѣвъ. Въмѣсто того, чтобы спокойно приступить къ разслѣдованію дѣла, къ розыску убійцъ—какъ онъ обѣщалъ народу—Эдипъ въ припадкѣ безумнаго гнѣва обрушивается на Креонта, обвиняя его въ покушеніи на царскую власть, и на Тиресія, подозревая его въ сообщничествѣ со своимъ родственникомъ. Хоръ не разъ подчеркиваетъ эмоциональную подкладку его рѣчей (напр., О. R. 404—5). Эта страстность натуры, эта способность дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты объясняетъ намъ и убійство отца, и лишеніе самимъ себя зрѣнія, и добровольное удаленіе въ пустыню²⁾.

1) Σὺ τοι εὖ τοι γατρήσθας, ὦ βασιλεῦτα. οὐκ ἀλλοθεν ἢ τοῦα ἴδ' ὅπου παύσῃς. Phil. 1096—7.

2) Иного взгляда держался E. Rohde: Einfach weil es so der Wille der Gottheit war, musste Oedipus, unbewusst und schuldlos, den Vater erschlagen, u. s. w. (Psyche, S. 529).

Замічательное явленіе представляєть нѣмъ собою трагедія Эдіпъ въ Колонѣ. Здѣсь Софокль менѣе всего держался традицій, вносилъ въ мнот. массу и правокъ рационалистическаго характера. Народное вѣрованіе въ Рокъ, тяготящийся надъ дѣльнымъ родомъ, не находитъ себѣ оправданія въ этой пьесѣ, и дочь Эдіпа Немея не погибаетъ отъ ударовъ судьбы. Тяжкій преступникъ—отцеубійца, вступившій въ бракъ со своею матерью, также не гибнетъ окончательно. Наоборотъ, онъ умираетъ примиреннымъ съ богами, милость которыхъ озарила радостію послѣдніе часы страдальца: они даровали ему спокойную кончину, а его могла приобрести съ тѣхъ поръ характеръ національной святыни.

Такой же отпечатокъ прогресса и реформы носятъ трагедія Электра. Софокль ввелъ нѣсколько умышленныхъ поправокъ къ эсхиловой композиціи даже съ чисто фактической стороны¹⁾, не говоря уже объ обрисовкѣ характеровъ. Въ противоположность Эсхилу, въ софокловой Электрѣ эриніи уже не преслѣдуютъ Ореста послѣ совершенія имъ матереубійства; здѣсь сказалось вліяніе новой эпохи, новыхъ вѣяній. Для Эсхила умерщвленіе Клитемнестры, хотя и внушенное Аполлономъ, было все-же преступленіемъ, Софокль же усматриваетъ тутъ лишь простой этический актъ. Софокль стоитъ, такимъ образомъ, посредникъ между Эсхиломъ, приверженцемъ дельфійской морали, и эстетико-религіознымъ критицизмомъ Эврипида²⁾.

¹⁾ Такъ, напр., спасительницей маленькаго Ореста является сестра его Электра (296, 321), тогда какъ по Эсхилу сама Клитемнестра еще до возвращенія мужа передала Ореста въ безопасное убѣжище (Ag. 877 sqq.). Введенъ новый персонажъ—Хрисемида и т. д.

²⁾ Срв. *Case: Apollo and the Erinyes in the Electra of Sophocles*, *Class. Rev.* 1902. См. также *E. Rohde, Psyche*, S. 524, Anm. 2

§ 5. Эсхатология Софокла. Въ специальной литературѣ представленіи Софокла о загробной жизни встрѣчаютъ себѣ различную оцѣнку, Одни признаютъ почти полное совпаденіе эсхатологическихъ идей Софокла съ гомеровскими (*E. Rohde*¹⁾). Другіе, наоборотъ, подчеркиваютъ отличіе ихъ другъ отъ друга. Такъ, *Campbell* указываетъ на то, что у Гомера лишь тѣнь умершаго попадаетъ въ подземное царство Аида, тогда какъ человѣкъ превращается въ трупъ, а у Софокла самъ покойникъ спускается въ жилище Аида, беря съ собой все, что было для него дорого въ здѣшней жизни, сохраняя все свои страсти и родственныя отношенія²⁾. Оба эти крайнія мнѣнія неправильны. Нельзя отождествлять эсхатологию Гомера и Софокла уже потому, что въ эпосѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ вѣры въ возможность воздѣйствія міра мертвыхъ на міръ живыхъ: въ гомеровскомъ міросозерцаніи нѣтъ мѣста для вѣры въ привидѣнія, а у Софокла, наоборотъ, и мертвецы поднимаются изъ своей обители, и таинственные призраки тревожатъ покой живущихъ³⁾. Но ошибается и *Campbell*, ибо въ пьесахъ Софокла попадаютъ мѣста, которые даютъ поводъ думать, что онъ видѣлъ въ мертвецахъ одну только тѣнь, какъ и Гомеръ (*πάλαι* Aj. 1257, El. 1159), и даже полное небытіе (*τὸ μὴ εἶναι* El. 1166, Aj. 1231), лишенное чувствительности и сознанія (*ἄχρηστον ὄψιν ἔχοντα* O. C. 955, ср. Trach. 1173, El. 1170). Но какъ согла-

¹⁾ *Psyche*, S. 532.

²⁾ *Campbell*, *Religion in greek Literature* p. 263—284: But the characteristic difference is, that whereas in Homer the body is the man, while the shade flits underground, in Sophokles it is the person himself who passes beneath, taking with him all that was essential to him here, retaining his affections and relationships.

³⁾ Ср. *Th. Plüss*, *Aberglaube u. Religion in Sophokles' Elektra*. 1900. S. 20—30.

совать это представленіе съ тѣмъ, что душа покойника удерживаетъ свои человѣческіе интересы, чувства и родство (О. Р. 1371 sqq.),—на это Софокль не далъ намъ отвѣта. Здѣсь сказалась характерная черта разбираемаго нами греческаго трагика—постоянное колебаніе и дуализмъ, борьба между старымъ и новымъ...

Весьма страннымъ представляется мнѣ утвержденіе *Dronke* ¹⁾, будто вѣра въ безсмертіе души составляетъ отличительную черту софоклова міровоззрѣнія, *glänzende Frucht seiner Anschauung*, какъ онъ выражается. И хотя онъ не зналъ еще книги *E. Rohde*, ему все же должно было быть извѣстнымъ ученіе § Гомера о безсмертіи души человѣческой. Мало того, культъ мертвыхъ и вѣра въ души—наиболѣе примитивные элементы всякой религіи—были знакомы грекамъ, конечно, задолго до возникновенія эпоса ²⁾.

§ 6. Мѣсто Софокла въ исторіи развитія греческой религіозной мысли. Послѣ того какъ процессы антропоморфизаціи божествъ греческой религіи достигъ постепенно своего завершенія, монотеистическая тенденція все болѣе и болѣе укореняется въ религіозномъ сознаніи общества; въ V. стол. до Р. Хр. переходъ къ спиритуалистическимъ представленіямъ о богахъ или, вѣрнѣе, о верховномъ божествѣ, Зевсѣ—становится особенно яркимъ и рельефнымъ. Пиндаръ, Эсхиль и Софокль стали главными представителями этого новаго реформаціоннаго движенія въ греческой религіи. Мы видѣли, какъ сильно содѣйствовалъ Софокль просвѣтленію и углубленію идеи сверхчувственнаго бытія.

Мы видѣли также, что Софокль высоко поднимаетъ значеніе человѣка (ср. Ant. 331—364) и главной цѣлью сво-

¹⁾ Op. cit. S. 100.

²⁾ Объ эсхатологическихъ воззрѣніяхъ Софокла см. еще небольшую статью *M. Daniel'*: A future life as represented by the greek tragedians, Class. Review, 1890, March.

ей дѣятельности избираетъ изображеніе характеровъ и людскихъ страстей, дойдя въ ихъ обрисовкѣ до совершенства ¹⁾. Такимъ образомъ происходитъ эмансипація эдипическаго искусства отъ мѣстическаго элемента и выдвигается внутренняя причинность характеровъ. *Ionke* старался подчеркнуть детерминизмъ въ трагедіяхъ Софокла: онъ утверждалъ, что въ Софоклу и горе и радость смертныхъ *всегда* опредѣляется волею боговъ, а не ихъ собственными поступками ²⁾. Мы видѣли, что это мнѣніе неправильно...

Трагическая поэзія низведена съ неба на землю, и боги уступаютъ арену самымъ зауряднымъ представителямъ человѣческаго рода. Традиціонные міологическіе мотивы низведены на степенъ простаго матеріала для поэтической обработки. Гомеровскіе герои утрачиваютъ прежній этический блескъ, ихъ нравственные недостатки въ свободной композиціи Софокла выступаютъ яснѣе и рѣзче. Менелай и Агамемнонъ изображены въ трагедіи „Аяксъ“ въ видѣ мелкихъ эгоистовъ, совершенно лишенныхъ того великодушія и благородства, культурности и рыцарства, которыя были основными чертами торгово-военной аристократіи, изображенной Гомеромъ. Атриды хотятъ мстить Аяксу даже и послѣ его смерти, лишивъ его тѣло погребенія. Братъ Аякса, Тевкръ въ сильной обличительной рѣчи (ст. 1093—1117) ясно раскрываетъ низость ихъ поведенія.. Такъ въ поэзіи Софокла герои старой міологіи озаряются свѣтомъ современнаго трагику рационалистическаго міровоззрѣнія, возвышенное и

¹⁾ Краткія, но весьма мѣткія характеристики выведенныхъ Софокломъ типовъ даны *Ed. Meyer'омъ* въ его *Gesch. des Alterthums* IV, S. 118.

²⁾ Je mächtiger aber der Dichter das Gefühl von der menschlichen Nichtigkeit (?) durchdringt, um so inniger ist er auch davon überzeugt, dass dem Sterblichen Freude und Leid von den Göttern, nicht durch eigene Kraft verliehen wurde (*Ionke*, op. cit. S. 65).

идеальное развѣчивается, приобретаая новый, реалистиче-
скій колоритъ.

Глубоко не справедливо, поэтому, утверждение *Dronke*¹⁾, *Campbell*²⁾ и друг., что возрѣнія Софокла представляютъ собою регрессъ по сравненію съ взглядами Эсхила. Совершенно наоборотъ, въ этическихъ по преимуществу спекуляцияхъ Софокла, въ критикѣ міа и секуляризаціи преданій мы должны усматривать знаменіе новаго вѣка, эпохи просвѣщенія, должны видѣть солидарность съ Сократомъ и софистами, выдвинувшими антропологическія проблемы и индивидуализмъ. А отрицательный образъ богини Аины въ трагедіи Аяксъ приближаетъ Софокла и съ Эврипидомъ. Вся рѣчь Одиссея (ст. 1332 слѣд.) звучитъ какъ бы протестомъ противъ неэтическихъ совѣтовъ Аины въ ст. 79. Несмотря на попытки нѣкоторыхъ изслѣдователей (*Campbell*)³⁾ реабилитировать обликъ богини, — все это свидѣтельствуетъ о томъ, что робкое сомнѣніе, зародышъ грядущаго скептицизма, начинается уже вкрадываться въ сознаніе поэта, подготовляя дальнѣйшее разложеніе ялычества⁴⁾...

И эта бифуркація софоклова міровозрѣнія, это колебаніе вокругъ вѣчной оси человѣческаго духа—религіи—заставляетъ насъ отвести Софоклу слѣдующее за Эсхиномъ мѣсто въ поступательномъ движеніи рачіонализма и скепсиса среди аинскаго общества разсматриваемой эпохи.

Евг. Кагаровъ.

1) *Dronke*, op. cit. S. 60.

2) *Campbell* Religion in greek Literature, 1898, p. 284. In some points of view Sophokles, as compared with Aeschylus, may be regarded as reactionary. He relies more on Homer and the epic cycle.

3) Ibid. p. 282.

4) Такъ же *Th. Gomperz*, Griech. Denker, II, S. 8: Nur hier und da ertönt in seinen Werken ein Aufschrei des verletzten Rechtsgefühles oder des bangen Zweifels.